

«САРМАТСКИЕ ЖРИЦЫ», ИЛИ ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О МАТЕРИНСКОМ РОДЕ У САРМАТОВ

Среди многочисленных погребений сарматского времени, открытых в Прикубанье, особый интерес представляет серия явно неординарных комплексов, в сопроводительный инвентарь которых входят металлические изделия в виде мирового дерева. Большинство из них уже опубликовано, но их общепринятой интерпретации до сих пор не существует. По-разному оформленные предметы с зооморфными навершиями традиционно относят к культовым атрибутам. В литературе их называют «светильниками, жезлами, треножниками, канделябрами». Считается, что они характерны только для территории Северо-Западного Кавказа. В настоящее время в комплексах сарматского времени автору известны 25 металлических «жезлов». Из них 19 найдены в подкурганых погребениях, 5 происходят из грунтовых могильников, один открыт в подкурганном святилище. При этом только четыре «жезла» в этой выборке происходят не с территории Кубани: Кобяковский могильник, курган 10; Нагавский могильник, курган 11; Кишпек, курган 13 (2 шт.) (табл.).

По способу установки эти предметы делятся на два типа. К первому относятся так называемые «втоки». Они состоят из заостренного железного стержня с втулкой на верхнем конце и зооморфного навершия. Тип представлен четырьмя изделиями, но практически полностью сохранились только три. Слово «жезл» наиболее подходит как определение для этой категории вещей, хотя, вне всяких сомнений, они служили не столько символом определенной власти, сколько культовым атрибутом.

Ко второму типу относятся треножники. Практически все они железные кованые, имеют вертикальный стержень, разделенный в нижней части на три или четыре прогнутые ножки. В сечении стержень может быть круглым, квадратным или витым, встречается орнаментация накладным узором. В основной массе треножники, подобно жезлам, имеют зооморфные навершия. Принципиально отличается от остальных единственный треножник, изготовленный из бронзы. Сравнительно полно восстанавливается форма 14 треножников, от остальных сохранились только фрагменты базы. Очевидно намеренное повреждение многих предметов. В таблице приведена информация обо всех комплексах, где были найдены культовые атрибуты в виде мирового дерева, но ниже описаны только экземпляры, которые можно реконструировать¹.

Тип 1. «Жезлы»

Ст. *Новоджерелиевская, 1974 г., разрушенное погребение*². Жезл железный составной (рис. 1, 1). Древовидная вершина в нижней части переходит в тонкий

¹ Автор приносит благодарность Н.Е. Берлизову, А.М. Ждановскому, А.В. Кондрашеву и М.И. Скворцову, любезно предоставившим материалы для публикации.

² Предметы из кургана, разрушенного возле ст. Новоджерелиевской в 1974 г. были частично собраны колхозниками и переданы Н.В. Анфимову, который опубликовал материалы (Анфимов Н.В. Курганный комплекс сарматского времени из бассейна реки Кирилы // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986). Однако, как показал разбор фонда, там были найдены не один, а два жезла разных типов, а также бронзовый браслет, курильница и другие предметы, не вошедшие в публикацию 1986 г. (Шевченко Н.Ф. Новые данные о сарматском погребальном комплексе из ст. Новоджерелиевской // Материалы V конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Анапа, 2004; в печати).

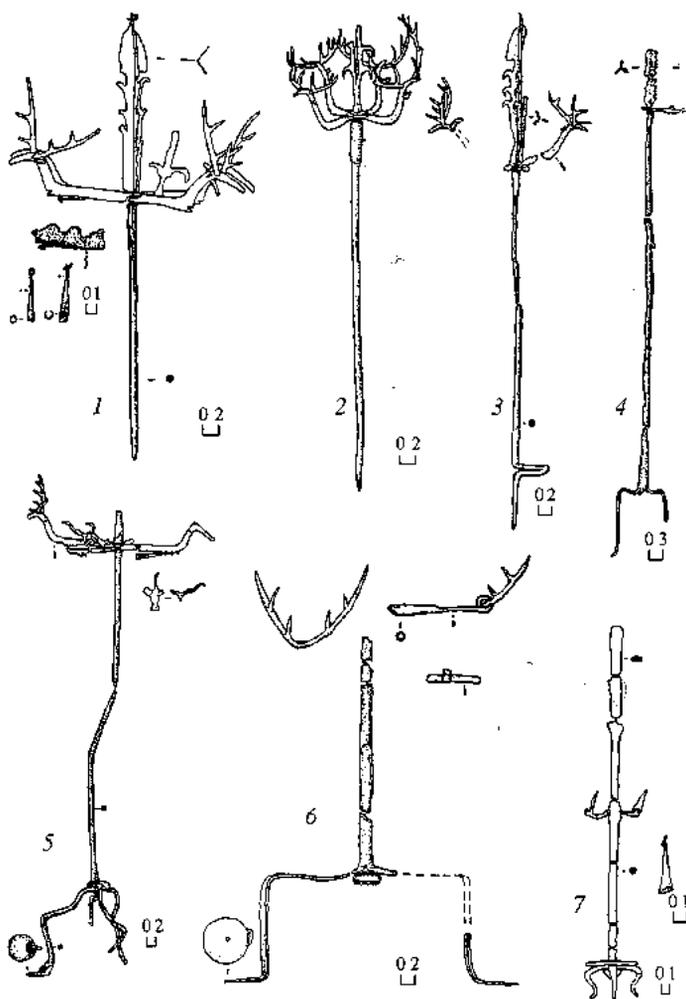

Рис. 1. Жезлы и треножники: 1 – Новоджерелиевская, разрушенное погребение; 2 – Песчаный, погребение 10; 3 – Курганинск, святилище; 4 – Владимирская, разрушенное погребение; 5 – Мезмай, разрушенное погребение; 6 – Новоджерелиевская, разрушенное погребение; 7 – ОПХ «Рассвет». Курган 1, погребение 19

стержень, на который крестовидно надеты две автономные пластины с оленьими головками на концах. Перед каждой головкой вертикально крепились отростки в виде миниатюрного мирового дерева. Стержень вершины вставлялся во втулку на верхней части втока и фиксировался штифтом. На выступах, сделанных в основании шеи каждого оленя, крепились фигурные пластины с шумящими подвесками. По всей вероятности, пластин было две, и они попарно соединяли оленьи головки. Реконструкция показывает, что в целом жезл представлял собой достаточно сложное сооружение (рис. 4, 1). Высота 61,5 см.

Хут. Песчаный, 1979 г., погребение 10. Жезл железный составной (рис. 1, 2), по оформлению практически идентичен предыдущему, только кончики рогов соседних фигурок скручены между собой. Стержень вершины вставлен во втулку короткого втока и зафиксирован штифтом. Высота жезла в таком состоянии 61,4 см. При этом в захоронении найден длинный сменный вток, вместе с которым длина жезла была 1,07 м.

Г. Курганинск, 1986 г., культовый комплекс. Жезл железный составной (рис. 1, 3). Так же, как и два предыдущих, состоит из древовидной вершины, которая вставлялась во втулку на верхнем конце втока, и двух автономных пластин с четырьмя оленьими головками на концах. На втоке сделан упор, облегчавший втыкание в землю. Высота жезла 85.4 см.

Тип 2. Треножники

Ст. Владимирская, 1958 г., курган, разрушенное погребение. Треножник железный, сильно фрагментированный (рис. 1, 4). Вертикальный стержень в нижней части раскован на три неустойчивые ножки. Верхний конец стержня увенчан диском, переходящим в четыре крестовидно расходящиеся пластины с расширениями на конце. Торцы пластин обломаны, но а priori можно предположить, что там находились протомы животных. Древовидная вершина так же, как на жезлах, состоит из трех сваренных между собой вертикальных пластин. Высота около 1.10 м.

Пос. Мезмай, 2004 г., разрушенное погребение³. Треножник железный (рис 1, 5). Вертикальный стержень отделен от ножек горизонтальной пластиной. База состоит из двух дисков, каждый из которых раскован в пару ножек. Диски скреплены между собой холодной ковкой. Основание ножек оформлено в виде круглой пластины, над которой расположено подвижное кольцо. Навершие составное, представляет собой крестовину из двух автономных пластин, надетых на вертикальный стержень. Концы пластин украшены оленьими головками, а возле основания приварены птички с распростертыми крыльями. На изгибе шеи каждого оленя сделано расширение с дырочками для подвешивания трех шумящих подвесок. От вершины сохранился фрагмент колпачка, надетого на вертикальный стержень. Общая высота около 1.20 м.

Ст. Новоджерелиевская, 1974 г., разрушенное погребение. Треножник железный, очень крупный, с массивными ножками. Основание ножек оформлено в виде круглой пластины с отверстием в центре (рис. 1, 6). От навершия сохранились только детали в виде парных оленьих рогов с креплением. Рога крепились на горизонтальном стержне с помощью кольца, при этом противоположный конец стержня представлял собой втулку. Полностью сохранились два рога, но, опираясь на аналогии, логично предположить, что их было четыре, и располагались они крестовидно. Наличие втулки предполагает разборную систему крепления навершия. В набор входят мелкие детали, расположение которых в структуре треножника непонятно. Высота ок. 1 м.

ОПХ «Рассвет» Динского р-на Краснодарского края, 1981 г., курган 1, погребение 19. Треножник железный (рис. 1, 7), имеет четыре маленькие неустойчивые ножки, отделенные от вертикального стержня круглым щитком. Треножник был намеренно согнут в древности, а при публикации не реконструирован и изображен вверх ногами. При этом ножки интерпретированы как протомы животных на навершии, а вершина соответственно как вток⁴. С этим нельзя согласиться по ряду причин: во-первых, круглый в сечении стержень с одной стороны не заострен, а раскован, т.е. стилизован под крону дерева; во-вторых, в комплекс входят фрагменты стилизованных оленьих (?) головок, почему-то не упомяну-

³ Треножник найден на территории грунтового некрополя, расположенного на южной окраине поселка Мезмай Апшеронского р-на Краснодарского края. Хранится в музее Краевой детской экспериментальной школы народного искусства пос. Мезмай (руководитель М.И. Скворцов).

⁴ Raev B.A. New Finds of Alanian Graves with Import Goods in the Krasnodar region // ADALYA. Research institute on mediterranean civilizations. 1998. № 11. Fig. 4.

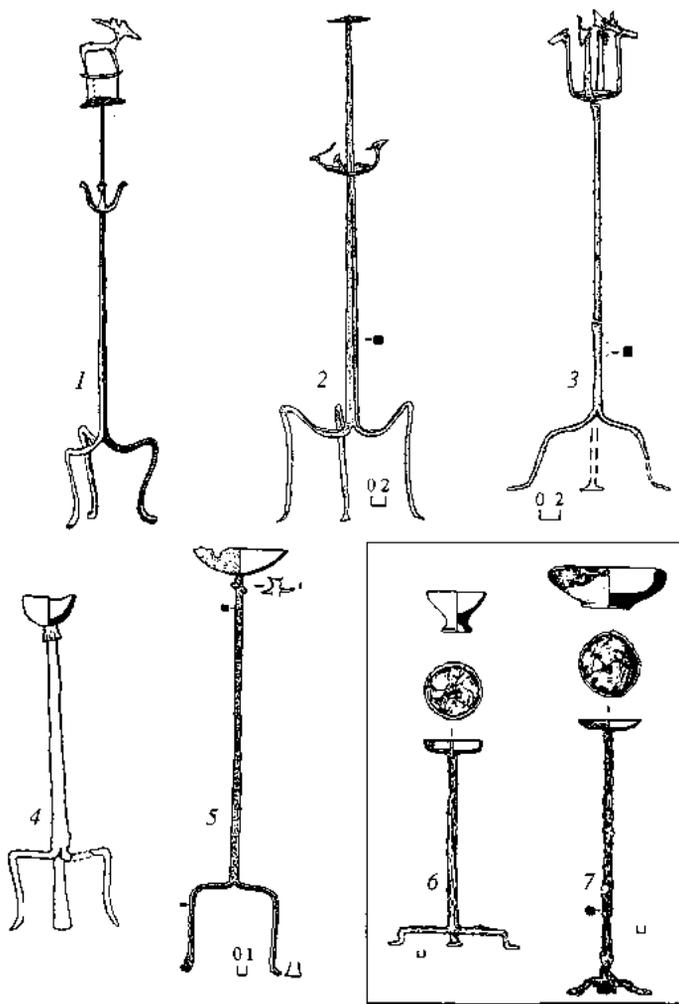

Рис. 2. Треножки: 1 – Краснодар, грунт. могильник (по Н.В. Анфимову); 2 – Ленинохавль погребение 31; 3 – Тбилисская, курган 9; 4 – Казанская, курган 6 (по И.И. Гушиной, И.П. Засецкой); 5 – Нагавский, курган 11 (по Е.П. Мыськову, И.В. Сергацкову); 6–7 – Усть-Альминский могильник. Канделябры: 6 – склеп 620, 7 – склеп 735. Погребение 2 (по Ю.П. Зайцеву)

тые в публикации. Судя по утолщению в середине центрального стержня, именно там находились зооморфные изображения. Вместе с треножкой найдены четыре шумящие подвески конической формы с петлей на конце. При этом одна подвеска была надета и прикипела к рогу животного. Аналогичные подвески крепились к шеям оленей на жезлах из Мезмая и Новоджерелиевской. Высота жезла около 45 см.

Г. Краснодар, могильник за кожзаводами. Вне погребения найдены два однотипных железных треножки (рис. 2, 1). Состоят из вертикального стержня, раскованного в нижней части на три прогнутые ножки. В средней части крестообразно расположены четыре стилизованные протомы животного. Наверху представляет собой оленя, стоящего на чашевидной пластине с тремя ножками, которые, в свою очередь, укреплены на горизонтальной пластине треугольной формы.

Аул Ленинохабль, 1975 г., погребение 31. Треножник железный (рис. 2, 2), состоит из вертикального стержня, раскованного на три прогнутые ножки. В центральной части на стержень нанизана и приварена чаша, по краям которой крестообразно расположены четыре головки оленей. На вершине стержня горизонтально расположена треугольная пластина. Высота 0.77 м.

Ст. Тбилисская, 1977 г., курган 9. Треножник железный (рис. 2, 3). Навершие состоит из четырех пластин, крестовидно загнутых вокруг круглого плоского диска и вертикально поднятых кверху. На вершинах пластин расположены стилизованные головки животных: олень – бык, козел – баран. Высота 51.4 см.

Ст. Казанская, 1901 г., курган 6. Треножник железный (рис. 2, 5), состоит из вертикального стержня, раскованного в нижней части на три ножки. На верхний конец надета чаша с округлым дном. На стержне под чашей сохранились горизонтальные выступы, являющиеся, вероятно, обломками зооморфных украшений. Высота 0.53 м.

Хут. Нагавский Волгоградской области, 1988 г., курган. 11. Треножник железный (рис. 2, 4). Вертикальный стержень увенчан полусферической чашечкой. Высота 56 см.

Ст. Казанская, 1901 г., курган 3. Треножник бронзовый составной (рис. 3, 1), состоит из четырехгранного в сечении стержня, увенчанного скульптурной головкой козла с подвеской. На стержень надета подвижная пластина с тремя припаянными ножками. При такой конструкции жезл могли и ставить, и втыкать. Высота 0.36 м.

Ст. Тбилисская, 1977 г., курган 6. Треножник железный (рис. 3, 2). Вертикальный металлический стержень увенчан двумя, геральдически расположенными стилизованными головками козлов. Высота 41.5 см.

Ст. Старокорсунская, 1990 г., погребение 489. Треножник железный (рис. 3, 5). Вертикальный стержень увенчан тремя головками быков, расположенными на концах тонких выгнутых стержней. Высота 64.8 см.

Сел. Кишпек, 1975 г., курган 13. В захоронении найдены два железных треножника: один – с навершием в виде четырех крестовидно расходящихся пластин, увенчанных головками козлов, высотой 54 см (рис. 3, 3); другой – треножник железный с навершием в виде трех пластин, увенчанных головками козлов, высота 81 см (рис. 3, 4).

Как правило, в захоронения клали один треножник или жезл, и только в двух случаях можно определенно говорить о том, что положили пару (Новоджерелиевская, Кишпек). При этом в Новоджерелиевском комплексе найдены жезлы разных типов (рис. 1, 1, 6). В могильнике у Краснодарских кожзаводов комплекс был разрушен, и можно только предполагать, что одинаковые треножники составляли пару (рис. 2, 1).

Время бытования всех приведенных в настоящей статье ритуальных предметов укладывается в период с I в. до н.э. по III в. н.э. включительно. При этом хорошо прослеживается существование двух групп: ранней – I в. до н.э. и поздней – вторая половина I – III в. н.э. (табл.).

В первую входят восемь предметов, среди которых четыре жезла и четыре треножника (рис. 1, 1–7). Наиболее древними являются вток и треножник из разрушенного погребения у ст. Новоджерелиевской. По набору импортной посуды весь комплекс датируется первой четвертью I в. до н.э.⁵ Время бытования

⁵ Марченко И.И. К вопросу о датировке элитного новоджерелиевского комплекса // Древности Кубани. Материалы семинара. Краснодар, 1987. С. 49.

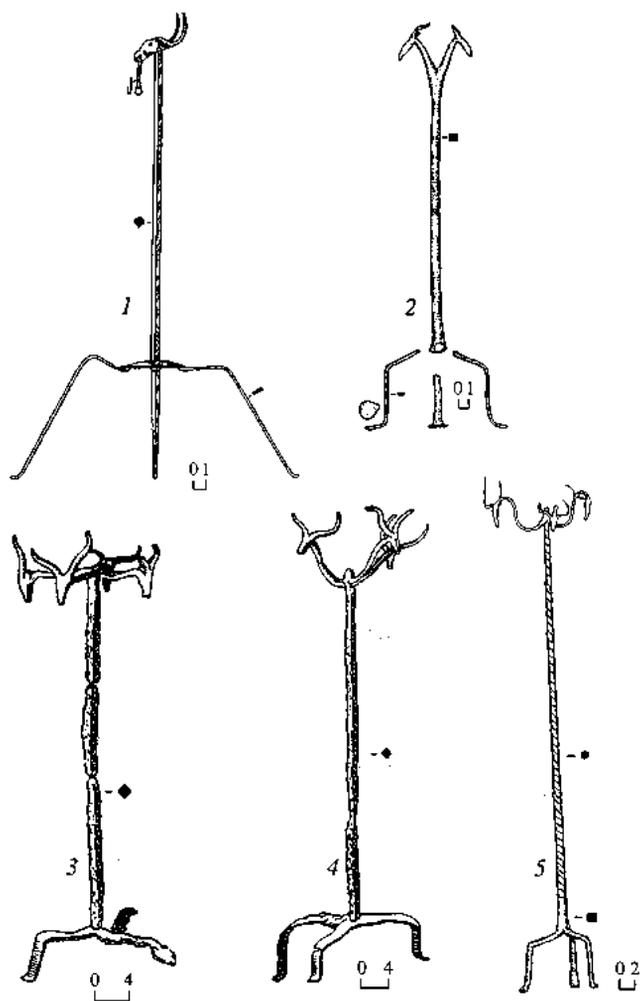

Рис. 3. Треножки: 1 – Казанская, курган 3 (по И.И. Гушиной, И.П. Засецкой); 2 – Тбилисская, курган 6; 3–4 – Кишпек, курган 13 (по Р.Ж. Бетрову); 5 – Старокорсунская, погребение 439

остальных не выходит за пределы середины – второй половины I в. до н.э. (табл.). Можно совершенно уверенно говорить о стилистическом сходстве древовидных атрибутов ранней группы, независимо от того, жезл это или треножник. Для них характерна реалистичная передача образа мирового дерева с вершиной, крестовидным расположением животных и выраженным трехчастным делением на нижний, средний и верхний миры. Животные представлены только оленями. Все жезлы и два треножника составные. Любопытной деталью, прослеженной в комплексе из хут. Песчаного, является сменный вток. Не исключено, что свободное изменение высоты жезла определялось поливариантным характером обрядов.

Поздняя группа представлена исключительно треножниками. Они были распространены в I в. н.э. (преимущественно во второй половине) и существовали до конца III в. Наиболее поздним является комплекс из Кишпека, датированный второй половиной III в. н.э.⁶ Если предметы, входящие в раннюю группу, отме-

⁶ Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. М., 1989. С. 27.

чены только на Кубани, то поздние встречаются на территории Нижнего Дона и Ставропольского края. Не исключено, что разнообразие деталей в оформлении треножников поздней группы связано с длительным периодом ее существования и широким ареалом распространения. Большинство треножников оформлением наверший сильно отличаются от ранней группы. Главными отличиями являются: отсутствие древовидной вершины; использование в зооморфных «украшениях» образов разных животных (олени, козлы, быки, бараны); разное количество животных и место размещения их на стержне. Важной новацией стали чашевидные пластины, придавшие треножникам вид светильников. Они могли быть единственным навершием (рис. 2, 4) или вписываться в структуру вместе с животными (рис. 2, 1–3). В этой связи показателен треножник из могильника у Краснодарских кожзаводов. В нем полная фигура оленя установлена в чаше прямо на вершине, но в середине стержня расположены четыре крестообразно представленных зооморфных изображения (рис. 2, 1). На жезле из аула Ленинохабля олени крестообразно располагались прямо по краям чаши (рис. 2, 2). Надо отметить, что треножники с чашей или чашевидной пластиной в структуре навершия довольно многочисленны, однако происхождение этой детали остается спорным. Объяснением могут стать два канделябра, найденные в Усть-Альминском могильнике в Крыму. Они имеют чашевидные навершия, в которых стояли глиняные светильники с открытым резервуаром⁷. Технологическое и морфологическое сходство крымских канделябров с кавказскими треножниками не вызывает сомнений (рис. 2, 6–7). Отличаются они лишь тем, что канделябры имеют уплощенную платформу с загнутым краем, приспособленную для установки светильника, а ближайшим к ним навершиям на треножниках выполнены в виде полусферы (рис. 2, 4–5). Сильное сходство этих предметов породило версию о том, что сарматские треножники имеют прототипом римские канделябры⁸. Вряд ли с этим можно согласиться, если иметь в виду культурную традицию изготовления жезлов в виде мирового дерева, уходящую корнями в эпоху бронзы. Однако появление чаши как элемента в образе дерева вполне могло быть связано с заимствованием главной детали реального светильника. При этом чаша вписывалась в структуру жезла, дополняя ее новым религиозным содержанием и не меняя культового назначения предмета. Маленькая чаша могла использоваться как курильница или для ритуальных возлияний, особенно если учесть, что мировое дерево в иранской мифологии – символ возрождения к новой жизни и источник плодов для приготовления священного напитка хаома.

Показательно, что канделябры из Усть-Альминского некрополя датируются первой половиной – серединой I в. н.э., а «чаши» на кавказских треножниках распространяются преимущественно со II в. н.э.

В целом оформление как жезлов, так и треножников включает четыре основные композиции: животные под деревом, просто животные, животные и чаша, просто чаша. При этом общие характерные признаки, такие, как детали формы, размеры и зооморфность изображений, свидетельствуют о том, что облик поздних треножников является результатом пространственной и временной

⁷ Zaitsev Y. Imported Lamps and Candelabra from Ust-Alma Nekropolis (Crimea, Ukraine) // *Fire, Light and Light Equipment in the Greco-Roman World*. BAR. International Series 1019. 2002. P. 45.

⁸ Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994. С. 35.

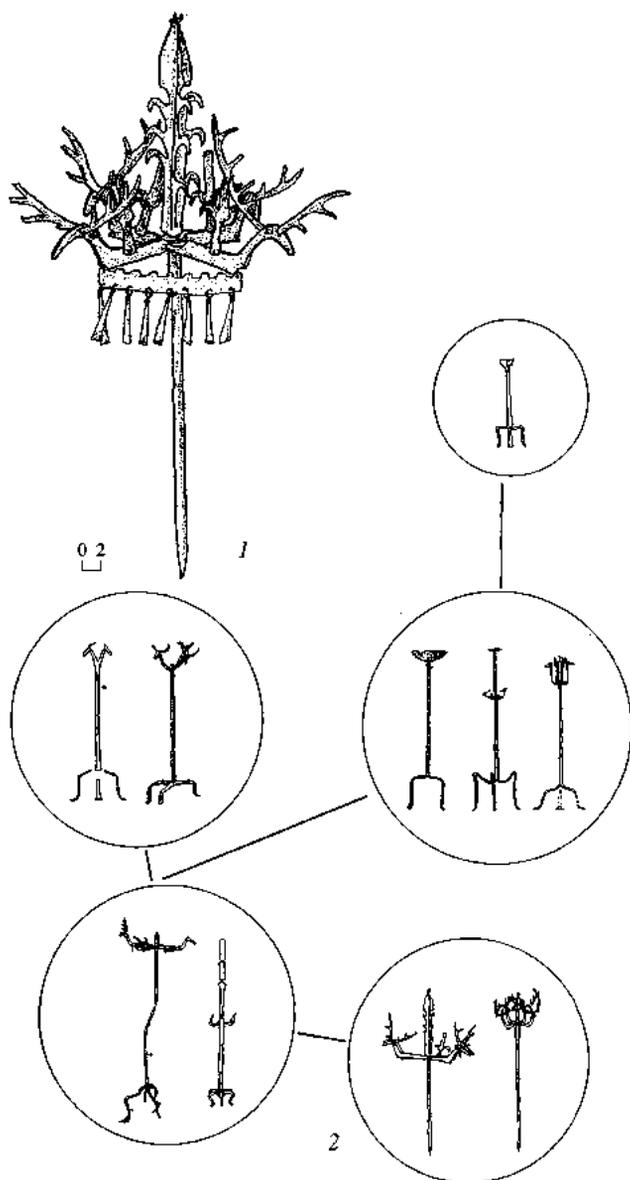

Рис. 4. 1 – Реконструкция жезла со втоком из Новоджерелиевской; 2 – схема развития сарматских культовых атрибутов в виде мирового дерева

трансформации образа мирового дерева, характерного для жезлов ранней группы (рис. 4, 2).

Очень важными являются вопросы о происхождении жезлов со втоками и треножников, а также о причинах разного способа установки культового «дерева». Как уже говорилось, оба типа появляются в одно время и для ранней группы практически равны по численности. Они даже зафиксированы в одном комплексе. Следовательно, у сарматов в начале I в. до н.э. существовали два вида культовых атрибутов в виде мирового дерева. Первые имеют вид своеобразных посохов, а вторые – треножников, при этом навершия оформлены в одном сти-

ле. При атрибуции жезлов ранней группы бросается в глаза их сходство со скифскими навершиями, среди которых встречается очень похожая форма передачи образа мирового дерева⁹. Поэтому можно предположить, что жезлы со втулками изготовлены согласно архаической традиции, бытовавшей в разных вариациях в среде ираноязычных племен. Происхождение скифских наверший, в свою очередь, связано с культами древнего Переднего Востока, восходящими к эпохе ранней бронзы¹⁰.

Установка подобных наверший осуществлялась исключительно посредством металлического стержня или шеста, вставленного во втулку. Ножки появляются только в римское время, и вряд ли они могли быть чисто техническим нововведением. Как известно, культовая обрядность в традиционных обществах очень консервативна, поэтому, скорее всего, появление треножника было следствием изменения жизненного уклада (например, переход к частичной оседлости), что, в свою очередь, приводило к изменению обряда. Это во многом объясняет, почему на территории Прикубанья с I в. н.э. треножники стали главным атрибутом общественного культа. Что касается технических деталей в оформлении ножек, то они вполне могли быть античным заимствованием.

Несмотря на разнообразное оформление, очевидно смысловое единство жезлов и треножников, связанных с космогоническими представлениями индоевропейцев. В основе мифа лежит идея общения с верхним миром посредством вертикального столба, дерева, мировой оси¹¹. Следовательно, сакральный смысл древовидных жезлов может вполне обоснованно служить показателем «духовного» статуса их владельца. Этнографические параллели свидетельствуют о широком применении сибирскими народами жезлов в виде так называемого шаманского дерева или использовании шаманами при камлании настоящего дерева¹². Таким образом, жезл, скорее всего, являлся атрибутом колдуна-шамана, т.е. посредника между людьми и миром богов. Очевидно, что роль такого человека в жизни общества была очень велика.

К сожалению, информация о типах святилищ и характере религиозных обрядов у сарматов очень отрывочна. Среди наиболее известных культовых центров можно назвать курганную группу «Шиханы»¹³, культовые комплексы на Устюрте¹⁴ и подкурганное святилище в Курганинском р-не Краснодарского края. Последнее для нас представляет особый интерес, так как при его исследовании был найден жезл в виде мирового дерева. Святилище представляло собой площадку, расположенную в насыпи кургана на глубине 1 м от поверхности. Здесь были разбросаны разные votивные приношения, в том числе бронзовый шлем, жезл, части кольчуги, наконечники стрел, бусы, золотые украшения и множест-

⁹ Артамонов М.И. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. Вып. 2. Л., 1961. Рис. 19; Ильинская В.А. Навершие из Майкопского и Новочеркасского музеев // СА. 1967. № 4, Рис. 4.

¹⁰ Іллінська В.А. Про скіфські навершники // Археологія. 1963. XV. С. 52; Мачинский Д.А. Об образном строе серебряных и золотых художественных изделий из майкопского кургана // ΣΥΣΤΙΤΑ. Памяти Ю.В. Андреева. СПб., 2000. Табл. VIII, 3.

¹¹ Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983. С. 48.

¹² Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984. С. 202.

¹³ Смирнов К.Ф., Попов С.А. Сарматское святилище огня // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 210.

¹⁴ Ольховский В.С., Галкин Л.Л. Культовый комплекс на Устюрте // СА. 1990. № 4. С. 196.

во фрагментов керамики¹⁵. Многие вещи были искусственно повреждены. Прослежены следы человеческих жертвоприношений в виде явно отчлененных четырех черепов и разбросанных костей рук. Судя по тому, что в насыпи найдены 103 погребения сарматского времени, это было родовое кладбище. Подобное кладбище было исследовано в Чегемском кургане, где на вершине насыпи тоже были зафиксированы скопления фрагментов керамики¹⁶. Ритуальные площадки, в том числе с человеческими жертвоприношениями, известны на территории Прикубанья как в курганах, так и на грунтовых некрополях¹⁷. Бросается в глаза сходство обряда разбрасывания отрезанных рук, зафиксированного в Курганинске, с аналогичным обрядом во время похорон скифского царя в описании Геродота. Вероятно, святилищами у ираноязычных кочевников наиболее часто становились могилы предков или великих вождей, возможно, как следствие приписываемого им божественного происхождения.

Наличие святилищ предполагает существование служителей культа. Однако археологически проследить социальный статус погребенного очень сложно, так как критерии, которые используются для выделения жреческих комплексов, размыты и часто имеют двойное толкование. Например, савроматы Волго-Уральского региона за основной культовый атрибут принимали каменные алтарики, а позже у них широко распространяются плитки со следами краски, разные виды курильниц, раковины, котлы, шумящие зеркала, жезлы и т.д. В каждом регионе набор магических предметов имеет свою специфику. Это закономерно, ведь выделение жреческих атрибутов для всей территории, занятой сарматскими племенами, вряд ли возможно – слишком велики территориальные, хронологические и культурные различия. К тому же формирование шаманского инвентаря носило исключительно индивидуальный характер и не имело устойчивых форм¹⁸. Одна из основных проблем состоит в том, что вещи религиозно-магического значения трудно разделить на атрибуты общественного или домашнего культов, тем более что это могли быть одни и те же предметы. На этом фоне жезлы в виде мирового дерева относятся к редким предметам, которые можно безоговорочно отнести к атрибутам общественного культа. Логично предположить, что столь значимый религиозный символ должен иметь более широкое распространение, чем это прослеживается в археологическом материале. Скорее всего, большинство жезлов изготавливались из дерева, и только на определенном этапе, в экономических условиях Прикубанья, возникла традиция делать их из металла. Примером деревянных изделий может служить раскрашенный жезл в виде палицы из Усть-Альминского могильника в Крыму¹⁹.

Признавая существование «служителей культа» в среде сарматских племен, мы до сих пор оставляем открытым вопрос, поставленный К.Ф. Смирновым, о том, какое место они занимали в обществе, как были организованы, и была ли

¹⁵ Raev B.A., Simonenko A.V., Treister M.Ju. Etrusco-Italic and Celtic Helmets in Eastern Europe // *Jahrbuch des Romisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. 1991. 38. S. 480.

¹⁶ Кереев Б.М. Чегемский курган-кладбище сарматского времени // *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг.* Нальчик. 1985. С. 138.

¹⁷ Беглова Е.А. Первый ритуальный комплекс тенгинского могильника // *OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии*. 2004. 3. С. 105.

¹⁸ Кузнецова Т.М. Все зеркала, зеркала // *Материалы по археологии Волго-Донских степей*. Вып. 1. Волгоград, 2001. С. 133.

¹⁹ Zaitsev. Op. cit. P. 43.

эта «профессия» женской²⁰. Последний вопрос особенно важен, так как античная литературная традиция однозначно отмечает особое положение савроматских женщин. Б.Н. Граков первым предпринял попытку подтвердить на археологическом материале существование особого социального статуса сарматских женщин и проследить изменение этого статуса, как он предполагал, от полной гинекократии у савроматов до установления патриархального уклада в конце прохоровского времени²¹. Такой вывод вызвал возражения некоторых авторов, касавшихся данной темы²². Итоги возникшей дискуссии подвел А.М. Хазанов. Соглашаясь с версией о матрилинейности савроматского общества, он определил его как позднематеринское, которое, не являясь этапом при переходе к патриархальному укладу, существовало параллельно с ним. При этом решающая роль в обществе принадлежала мужчинам. «Именно они возглавляют большие семьи, строящиеся по материлинейному принципу, а тем более роды и общины. Женщины могут участвовать в выборах или влиять на их исход, но сохраняют скорее моральный авторитет, чем реальную власть»²³. В такой среде именно исполнение жреческих обязанностей могло стать высшим проявлением особого статуса женщин. Эта версия косвенно подтверждается отсутствием данных, указывающих на то, что в савроматское время мужчинам принадлежали какие-либо важные религиозные функции²⁴. У ранних сарматов предметы, сопоставимые с атрибутами домашнего культа, также встречаются преимущественно в женских захоронениях²⁵. Остается решить, были ли служители культа у сарматов каким-то образом социально организованы или нет. В этой связи важно отметить, что группа комплексов с металлическими жезлами носит выраженный аристократический характер. Погребения включают дорогую импортную посуду, украшения и различное оружие, которое встречается как в мужских, так и женских захоронениях. Количество инвентаря бывает так велико, что жреческий атрибут меркнет на его фоне. Судя по набору вещей, это, скорее всего, захоронения вождей, обладавших сакральной властью, а не профессиональных жрецов. Связь духовной и светской власти у кочевников прослеживается с савроматского времени. Например, каменные алтарики, служащие критерием при выделении жреческих комплексов, отмечены только в богатых женских погребениях, иногда сопровождавшихся человеческими жертвоприношениями. При этом в письменных источниках нет никаких данных, позволяющих предполагать существование обособленных институтов этой власти. На фоне подробных описаний скифского жречества такой пробел вряд ли случаен. Скорее всего, у сарматов религиозные обряды не были жестко регламентированы. На родовом уровне они отправлялись главами семей, а ритуалы общих культов в качестве шаманов справляли представители племенной знати²⁶. Сакрализация власти характерна для индоиранских племен, но у сарматов к этому укладу были идеаль-

²⁰ Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964. С. 203.

²¹ Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3.

²² Смирнов К.Ф. Савроматы. С. 202; Берхин-Засецкая И.П., Маловицкая Л.Я. Богатое савроматское погребение в Астраханской области // СА. 1965. № 3. С. 153; Смирнов А.П. К вопросу о матриархате у савроматов // Проблемы скифской археологии (МИА. 1971. № 177. С. 188).

²³ Хазанов А.М. Материнский род у сарматов // ВДИ. 1970. № 2. С. 139.

²⁴ Там же. С. 143.

²⁵ Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 168.

²⁶ Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. М., 1982. С. 16.

но адаптированы традиции материнского рода. Согласно этим традициям, представительницы племенной знати в течение веков получали духовную власть по праву рождения как приложение к своему высокому социальному статусу.

Особенностью исследуемой группы погребений является то, что с жезлами были захоронены не только женщины. К сожалению, антропологические определения для большинства погребений не проводились, но по вещевому набору, с большой долей вероятности, можно установить пол погребенного. Десять комплексов в этой группе определяются как женские, а восемь как мужские (табл.), т.е. женские составляют чуть больше половины. Если считать, что в течение веков все виды культов у сарматов отправлялись женщинами, что отразилось в погребальной обрядности, то появление в первой половине I в. до н.э. на территории Северо-Западного Кавказа серии богатых мужских погребений с жезлами могло определяться изменениями в жизни общества, в первую очередь связанными с его быстрым расслоением, усложнением структуры и, как следствие, большей формализацией общественных культов. Происходит совмещение духовной и светской власти, построенное по новому принципу: мужчина–воин–вождь–шаман. Не случайно все мужские погребения этой группы имеют выраженный воинский облик – взнузданные лошади, копыя, мечи, кольчуги. Эта тенденция наиболее отчетливо прослеживается на территории Кубани и Нижнего Дона. Показательно, что почти в одно время с жезлами здесь появляются парадные головные уборы с изображением древа жизни (Хохлач, Кобяково, курган 10, Усть-Лабинск, курган 46), которые тоже могут рассматриваться как признак духовной власти светских владык²⁷. Вождь в качестве шамана-воина наиболее соответствовал требованиям социальной организации и динамичному образу жизни кочевников. Не случайно шаманизм становится господствующей религией в эпоху средневековья²⁸.

Изменение уклада в культовой сфере фиксируется на территории Прикубанья с начала I в. до н.э. При этом вещевой набор маркирующих комплексов имеет ряд черт, характерных для среднесарматской культуры. И хотя вряд ли раннюю группу аристократических погребений с металлическими жезлами можно напрямую связать с миграционными процессами рубежа эры, она может быть следствием миграции идей, которые нашли воплощение в более поздний период. Именно поэтому подавляющее большинство погребений с жезлами относится уже к среднесарматскому времени. Сравнительно быстрое распространение патриархальных традиций, прослеженное на ограниченной территории, тоже свидетельствует об их привнесенности.

Таким образом, опираясь на кавказские материалы, можно с большой долей вероятности утверждать, что у сарматов на протяжении всей истории отсутствовала кастовая прослойка профессиональных жрецов, сходных с энареями у скифов или друидами у кельтов. Общественные культы в качестве колдунов или шаманов выполняли представители правящих родов. Сначала это были только женщины, а с I в. до н.э. – мужчины. Однако с отходом от традиций материнского рода роль женщины в духовной сфере не была утрачена и сохранялась на высоком уровне как минимум до конца III в. н.э.

²⁷ Кузьмина Е.Е., Сарияниди В.И. Два головных убора из погребений Тиллятепе и их семантика // КСИА. 1982. № 170. С. 20 сл.

²⁸ Студзицкая С.В., Кузьминых С.В. Галичский «клад» (К проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001. С. 156.

	№	Объект	Компл.	М	Ж	Треножник	жезл	Дата	Издание
Ранняя группа I в. до н.э.	1	Новоджерелевская, 1974	курган разруш., погр. 1		+ (?)	+	+	перв. четв. I в. до н.э.	<i>Анфимов Н.В.</i> Курганный комплекс...
	2	Мезмай, 2004	грунт. мог., ограб. погр.			+		I в. до н.э. (?)	Публикуется впервые
	3	Курганинск, 1986	святилище				+	конец I в. до н.э.	<i>Raev, Simonenko, Treister.</i> Op. cit.
	4	Хут. Зубовский, 1899	курган 1	+			+	втор. пол. I в. до н.э.	<i>Гуцина И.И., Засецкая И.П.</i> Погребения Зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье // Груды ГИМ. 1989. Вып. № 70.
	5	ОПХ «Рассвет», 1981	курган 1/19	+		+		I в. до н.э.	<i>Raev, Simonenko, Treister.</i> Op. cit.
	6	Хут. Песчаный, 1979	погр. 10		+		+	конец I в. до н.э.	<i>Ждановский А.М.</i> Новые погребения кочевников сарматского круга из Закубанья // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990
	7	Владимирская, 1958	разруш. погр.				+	I в. до н.э. (?)	Публикуется впервые
Поздняя группа I—III вв. н.э.	8	Тбилисская, 1977	курган 8		+	+		II в. н.э.	<i>Ждановский А.М.</i> Подкурганные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков нашей эры // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984
	9	Тбилисская, 1977	курган 9		+	+		II в. н.э.	Там же
	10	Тбилисская, 1977	курган 6	+		+		II в. н.э.	Там же
	11	Казанская, 1901	курган 3		+	+			<i>Гуцина, Засецкая.</i> Ук. соч.
	12	Казанская, 1901	курган 6		+ (?)	+		I—II вв. н.э.	Там же
	13	Тифлисская, 1902	курган 15		+ (?)	+		втор. пол. I в. н.э.	Там же
	14	Михайловская, 1982	курган 2/14	+		+		втор. пол. I в. н.э.	<i>Каминская И.В., Каминский В.Н., Пьянков А.В.</i> Сарматское погребение у с. таницы Михайловской // СА. 1985 № 4
	15	Старокорсунская, 1990	грунт. мог., п. 489	+ (?)		+		II в. н.э.	Публикуется впервые
	16	Краснодар	грунт. мог.				+ 2 шт	II в. н.э. (?)	<i>Анфимов Н.В.</i> Меотский могильник на западной окраине Краснодара // Наш край. Вып. 1. Краснодар, 1960

Окончание

	№	Объект	Компл.	М	Ж	Треножник	жезл	Дата	Издание
Поздняя группа I–III вв. н.э.	17	Кишпек	курган 13	+		+ 2 шт.		втор. пол. III в. н.э.	<i>Бетрозов Р.Ж.</i> Курганы гуьнского времени у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 3. Нальчик, 1987
	18	Ленинохабль, 1975	грунт. мог., п. 31	+		+		II в. н.э.	<i>Ждановский А.М.</i> О погребальном обряде ранней группы захоронений ленинохабльского могильника // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977
	19	Армавир, 1902	курган 1/5		+	+		I–II вв. н.э.	<i>Гуцина И.И., Засецкая И.П.</i> Погребения Zubовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье. М., 1989
	20	Кунчукохабль, 1960	курган, разруш. погр.	+		+		втор. пол. I в. н.э.	<i>Дитлер П.Н.</i> Комплекс из кургана близ аула Кунчукохабль // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. III. Майкоп, 1972
	21	Кобяково	курган 10			Ж	+	втор. пол. I – начало II в. н.э.	<i>Прохоров Т.А., Гугуев В.К.</i> Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. 1992. № 1
	22	Нагавский, 1988	курган 11			Ж	+	втор. пол. II – перв. пол. III в. н.э.	<i>Мыськов Е.И., Сергацков И.В.</i> Позднесарматские комплексы на Нижнем Дону // СА. 1994. № 2.

«SARMATIAN PRIESTESSES» OR THE QUESTION OF SARMATIAN MATRILINEAL PATTERN REVISITED

N. F. Shevchenko

The research is based upon the study of metal rods in the shape of world tree found in North Caucasian Sarmatian graves of the 1st c. BC – 3rd c. AD. The cult attributes have been classified according to types and their connection with Bronze Age knobs has been established. The closest analogy to this category of objects may be found in the so-called shaman rods. As a rule, Sarmatian cult attributes are found in women's graves, which is characteristic of matrilineal societies. However, the Caucasian rods were found both in men's and women's graves. These graves are very rich burial complexes, typical rather of chiefs than of «professional» priests. This fact made it possible to assume that religious rites in the Sarmatian society were not strictly regulated and were performed by representatives of tribe nobility. The presence of the rods both in women's and men's graves proves that from the 1st c. BC on the Sarmatian society was breaking up with matrilineal tradition and developing a new pattern of combining religious and lay power according to the principle: man – warrior – chief – shaman.